

Беатрис ещё немного поболтала с друзьями Флории, прежде чем покинуть их, чтобы отдохнуть. Ей казалось, что у нее сейчас сведёт скулы, потому что она постоянно улыбалась. Из-за пустого желудка её терпение иссякало быстрее. Беатрис намерено шла стремительным шагом, чтобы никто не смог с ней заговорить.

Вскоре она подошла к столу, заполненному блюдами. Еда, которую подавали на таких вечерах, обычно была не более чем украшением. Некоторые брали лёгкие закуски или десерты, но никто не трапезничал всерьёз. Конечно, есть не было запрещено, поэтому иногда молодые лорды набирались мужества и набирали себе целую тарелку с едой.

Беатрис была единственным человеком у стола. Она попыталась взять белую тарелку, но чья-то рука первой высунулась и подняла её. Конечно, это был Канеман Маркес. Рядом с ним стоял Феликс, сбежавший от Каллекса.

— Я подержу тарелку для вас.

— Зачем?

Канеман, казалось, не знал, что ответить на её слова, а Феликс уже стоял рядом и набирал себе еды.

— Это...

— Не надо, спасибо. Герцог, наберите и себе поесть.

Таким образом, Беатрис, Феликс и Канеман взяли по тарелке и наполнили её едой. Феликс в основном брал мясо, и оказалось, что у него была та же еда, что и у Беатрис. Канеман, который внимательно наблюдал за ней, брал то же, что и девушка, добавив овощи, которые она себе не положила.

Беатрис была не из тех, кто любит поесть, но прямо сейчас она была слишком голодна и хотела набить желудок как можно большим количеством еды. Её тарелка была похожа на гробницу. У Феликса было то же самое. Канеман, с серьёзным видом посмотрев на тарелку Беатрис, добавил ещё еды на свою.

Все трое подошли к сервированному столу, стоящему сбоку. Только Феликс и Беатрис приступили к еде, а Канеман сидел неподвижно. Возможно, он собирался поменять свою тарелку на её, когда она закончит, и притвориться, что сам всё съел.

«Странная забота. Но это не так уж плохо».

В подобном месте считалось странным, если благородная леди много ела. Конечно, с того момента, как Беатрис села за стол с таким количеством еды, она считала, что уже выставила

себя в дурном свете.

— Эй, какая девушка будет столько есть на дебютном балу?

— Если ты собираешься нести чушь, просто ешь.

— Может, я беспокоюсь о тебе.

— Я в состоянии сама позаботиться о себе. И у тебя столько же еды. Закончил? Тогда ешь дальше.

Канеман с тревогой прислушался к их разговору и попросил проходящего мимо слугу принести три бокала. Хотя брат и сестра семейства Эмбер бездумно заполнили до краев тарелку едой, они обращались со столовыми приборами изящно и элегантно.

Феликс с воинственным видом начал поглощать свою еду, а Беатрис изящно разрежала её и отправляла в рот, словно решала сложную задачу. Верно, она выглядела так, словно не ела, а впихивала в себя блюда. Беатрис просто пережёвывала и глотала, не меняясь в лице, не показывая недовольства или, наоборот, удовлетворения, которое появляется при употреблении вкусной пищи. Канеман тихонько пододвинул к ней бокал.

— Это место свободно?

Они молча ели, как вдруг услышали чей-то голос и постукивание по столу. Подняв головы, они увидели около пустого стула великого герцога. Он правил герцогством, расположенным на западе, и был знаменит тем, что забивался в самый дальний угол, как и его отец, потому что ему не нравились люди. Сегодня он также был человеком, которого насильно привели в качестве партнера принцессы.

«Как же его зовут? А. Эланц. Великий герцог Эланц Амбросио. Точно».

— Присаживайтесь, пожалуйста, — ответила Беатрис, потому что ответа от мужчин с обеих сторон не последовало.

Эланц сел за стол, поставив перед собой тарелку, на которой было немного еды. На самом деле, он, похоже, не хотел есть, потому что даже не взглянул в её сторону. Как только он сел, Канеман заговорил с ним, увидев, как тот тяжело вздыхает.

— Вам сложно быть на балу?

— Да. Всё-таки тут очень много людей, — сразу же ответил Эланц, даже не подумав скрыть это.

На самом деле в этом не было необходимости, ведь о том, что он избегает людей, уже было широко известно. Пушистые светло-голубые вьющиеся волосы не подходили к его мрачному лицу. Говорили, что великий герцог часто общался с принцессой и наследным принцем с детства. Когда Беатрис подумала об этом, Эланц произнёс, словно отвечая на её мысли:

— Принцесса Анжелика слишком... слишком энергичная.

«А, так дело не в том, что ему не нравятся наследный принц или принцесса, просто он находит слишком утомительным то, что она активно общается с людьми».

Великий герцог казался мягким, но не выглядел и робким. Он даже не задумываясь сказал, что не любит людей. Беатрис, жуя стейк, отвела взгляд. Какая разница, когда он такой же человек, как принцесса, наследный принц или кто-то ещё.

— Поскольку первый танец окончен, разве нельзя покинуть бал?

Беатрис поставила свою тарелку с едой перед Канеманом, а его пододвинула к себе. Герцог Маркес взглянул на нее, но притворился, что ничего не заметил.

«Что такое? Разве ты всё равно не принёс её для меня?»

Когда Беатрис начала есть салат в качестве закуски, расстроенный Эланц запоздало покачал головой.

— Такое возможно, но не тогда, когда твой партнёр — принцесса.

— Насколько мне известно, нет таких правил, которые применимы только к тем, кто присутствует в качестве партнёров членов императорской семьи.

— Принцесса потом рассердится.

«А, вот оно как».

На первый взгляд, у великого герцога было жуткое лицо. Принцесса Анжелика выглядела довольно кроткой, но она, должно быть, совсем другая, когда сердится. Её мать, императорская наложница, обладала мягким характером, но это не значит, что принцесса такая же только потому, что в них течёт одна кровь.

Канеман подумал, что великому герцогу, ненавидящему людей, похоже, нравится Анжелика. В то же время Беатрис размышляла о сердитом лице принцессы. Феликс, который опустошил тарелку, внезапно вмешался.

— Как у вас дела, великий герцог?

— Спасибо, всё хорошо.

— Хотя вы так говорите, но по вашему виду так не скажешь.

Эти двое уже были знакомы друг с другом. Для аристократов было вполне естественно знать друг друга в лицо, но причина их знакомства была немного иной. Беатрис это было известно, хотя она не слышала об этом лично.

Поместье великого герцога находилось недалеко от того места, где в далёком прошлом пропал бывший герцог Эмбер, поэтому Эланц принял просьбу герцогини Эмбер и помог в поисках. В то время Агата не могла никуда уехать, потому что взяла на себя роль главы рода. Поэтому великий герцог оказал ей неоценимую помощь, говорят, что он даже отправил к ней своего помощника, чтобы информировать её о ходе поисков. Эланц часто лично посещал особняк Эмберов, поэтому, естественно, познакомился с сыновьями герцогини.

С возвращением бывшего герцога Эмбера личные контакты между Агатой и великим герцогом прекратились, но Феликс и Эланц, похоже, продолжали общаться ещё несколько лет. Великий герцог, который, конечно, был по-своему беспокойным ребёнком, был внезапно заперт в герцогстве, как и его отец, а затем оборвал все связи с миром.

Была причина, почему Феликс относился к Эланцу с лёгким раздражением. Великий герцог тоже знал об этом, поэтому он вздохнул, но не упрекнул его.

— Я действительно плохо себя чувствую в последнее время.

Феликс, который хотел ещё немного поиграть на нервах Эланца, замолчал, услышав, что тот действительно болен.

«Этот ребёнок и вправду добрый».

Но Феликс не высказал обычного беспокойства и не спросил, в порядке ли Эланц. Ему нелегко было забыть обиду: в детстве он снова и снова писал письма, но так и не получил ответа.

— Ох, выздоравливайте поскорее, — произнесла Беатрис вместо Феликса.

Затем она забрала тарелку Эланца и поставила перед ним пустую. Он не намеревался есть, но выглядел ошарашенным, когда Беатрис внезапно забрала его еду. Но, увидев бесстыдно смотрящие на него жёлтые глаза, Эланц решил просто промолчать. Он впервые видел младшую дочь семьи Эмбер, и она, похоже, была такой же своеобразной, как и Феликс. Канеман, сидевший рядом с ней, покачал головой, словно сдался. В конце концов она

закончила трапезу только после того, как полностью опустошила три тарелки.

После этого, после нескольких бессмысленных разговоров с другими аристократами, Агата попросила Беатрис вернуться вместе с ней, как раз тогда, когда девушка, устав от танцев, думала, не поджечь ли ей угол зала. Оставалось ещё два дня балов, и она переживала, переживёт ли она их. Агата и Беатрис попрощались с императорской семьей, забрали двоих мужчин и вернулись в особняк.

Когда они прощались, наследный принц со странным выражением лица спросил Беатрис, может ли он снова встретиться с ней. Лица её братьев странно исказились, но она притворилась, что не заметила, и вежливо ответила: «Да».

Вернувшись в особняк, Беатрис была измотана. Физически с ней было всё нормально, но морально она была истощена.

«Раздражает. Как же всё раздражает».

Беатрис, которая забралась в постель только после того, горничная передела её и смыла макияж, накрылась одеялом с головой и закрыла глаза.

«Нужно умереть поскорее, чтобы больше не заниматься этими надоедливymi делами».

<http://tl.rulate.ru/book/60750/2480922>